

Терпимость как основной модус свободы

Проблема терпимости бесконечно разнообразна и многообразна по своим проявлениям: это сфера власти государства и подчинения гражданина, сфера национальных, классовых, конфессиональных, профессиональных, семейных, деловых и личностных отношений. Не менее острой эта проблема предстает по своей глубине и сложности. Только на первый взгляд может показаться первостепенным ее обыденно-практический статус и значение при выстраивании тактики своего поведения в повседневной жизни. Вместе с тем, эта проблема, несомненно, имеет глубоко метафизический характер, так как ее возможные решения задают фундаментальные стратегии как для развития общества, так и для самореализации отдельного человека.

Для подтверждения данного тезиса имеет смысл обратиться к творчеству основоположника европейского либерализма и страстного апологета терпимости Дж. Локка, который совершенно неслучайно в то же время был и сторонником идеи «воспитания рода человеческого» в деле достижения свободы. Этот мыслитель связал воедино проблему терпимости, свободы и воспитания и был не только теоретиком («Письма о ве-

ротерпимости», «Мысли о воспитании»), но и активным участником, как политической деятельности, так и педагогической (должность цензора в Оксфордском университете, что равнозначно заместителю декана в современной университетской иерархии).

Прежде всего, новоевропейский мыслитель обосновывает неразрывную связь свободы и терпимости, рассматривая тройственную формулу прав человека (жизнь, свобода, собственность) как воплощение «метафизики свободы» и одновременно как полную формулу терпимости в основных ее измерениях.

Право на жизнь Локк трактует как *терпимость* к свободному распоряжению индивидом собственными жизненными силами. Тогда нетерпимость как ее контрагент выступает как ограничение и подавление этой свободы, вплоть до полного физического уничтожения. Далее, право на собственность – это *терпимость* к свободному распоряжению результатами приложения этих сил. Нетерпимость в данном случае имеет также обширную феноменологию: от зависти до различных форм революционных практик, направленных на экспроприацию собственности.

И, наконец, право на свободу совести и слова для Локка предстает как терпимость к *свободному самоопределению* индивида в сфере мировоззренческих ориентаций и ценностей, т.е. право человека на свободное полагание и преследование своих жизненных целей. Нетерпимость в данном случае – это различные формы духовного подавления.

Таким образом, по Локку полагание возможности терпимости – это полагание возможности свободы во всех формах ее проявления, научение терпимости – это научение свободе. Данное положение новоевропейского мыслителя применимо не только в масштабах всего общества, но и к любому уровню его организации и любой его сфере.

Образовательный процесс во всем многообразии его форм – это процесс, где научение осуществляется перманентно, поскольку имманентно его сущности. Этот процесс сочетает в себе в той или иной степени *обучение*, ориентированное, прежде всего, на развитие интеллектуальных способностей, и *воспитание*, направленное на «возделывание», культивирование «природы человека». Эти два элемента образования обладают удивительной способностью рефлексировать друг в друга. Обучение – это есть воспитание, которое органично должно включать самовоспитание разума как его «приучение» к строгости и методичности. Тогда воспитание, в свою очередь, есть обучение как «приручение», облагораживание «воспитанным» разумом иррациональной «жизни чувств». Речь идет об урезонивании (*raison* – фр. *разум*) спонтанной человеческой чувственности (аффективности) и, следовательно, о приобретении опыта самоорганизации в широком смысле слова, как опыта управления собственным разумом и собственной чувственностью.

На наш взгляд, образовательный процесс имеет смысл только в случае его организации, прежде всего, как процесса самообучения и самовоспитания, что совершенно не умаляет роли и значения обучающего. Скорее, напротив, повышает его роль и ответственность, так как его задача состоит в создании необходимых условий и мотиваций для осуществления такой стратегии.

Акцент на приставке «само» указывает на возможность свободы в образовательном процессе, на возможность постепенного и постоянного научение ей. Приставка «само» также артикулирует необходимость и возможность здорового интереса личности к самой себе и заботы о «здоровье» как своего разума, так и своей души, заботы о самореализации и о своей состоятельности.

Однако все вышесказанное нисколько не отрицает необходимости и значительной роли «педагогического насилия». Напротив, ему придается особое значение в процессе обучения как воспитания и воспитания как обучения. Но в таких условиях оно может осуществляться, прежде всего, как принуждение силой ответственности. Механизмом насилия становится постоянный и строжайший контроль за исполнением обучаемыми своих прямых обязанностей, что, естественно, влечет за собой суровую *нетерпимость* обучающихся к безответственности обучаемых.

Как ни печально осознавать, но в последнее время мы все чаще сталкиваемся с категорией студентов, претендующих на право «ничего не делать», в смысле выполнения своих самых элементарных обязанностей, и на свободу от всякой ответственности. Если постоянно допускать терпимость по отношению к такого рода студентам, которые пользуются благами снисходительности весьма охотно, то в скором времени мы обнаружим, что благодетели удостаиваются лишь неуважения и осуждения, а то и презрения с их стороны. Соответственно, эти благодетели сами вряд ли смогут рассчитывать на *терпимость* со стороны тех, кого они вскормили ею, а точнее, собственным попустительством, равнодушием, бессилием, малодушием.

Общеизвестно, что рабская дисциплина формирует рабский характер. Однако отсутствие принуждения как воспитания ответственностью способно сформировать еще худший вариант раба, ибо это раб с замашками господина в силу того, что он свято уверовал в свою вседозволенность и безнаказанность.

Как часто мы (преподаватели) оказываемся в ситуации беспомощности перед напором безответственности наших студентов. Чтобы преодолеть эту ситуацию, надо лишь постоянно предъявлять строгость к выполнению обязанностей обучаемыми, что немислимо и невозможно без строгости к самому себе как преподавателю и человеку.

Строгость и нетерпимость к себе – это, с одной стороны, гарантия *терпимости* к Другому, к его праву на свободное самоопределение, но, с

другой, это и право на *нетерпимость* к его желанию ускользнуть от ответственности. Мы вновь имеем ситуацию, когда две противоположности рефлектируют друг в друга. Если нетерпимость к себе – это условие терпимости к Другому, то терпимость к себе, в предельном случае – одержимость собственной персоной, оборачивается нетерпимостью, и, в пределе – агрессией по отношению к Другому. В тоже время неразрывная связь терпимости и свободы позволяет утверждать, что бессилие или нежелание осуществлять свою свободу есть условие неуважения свободы Другого.

Таким образом, нетерпимость – это завуалированная форма комплекса нереализованности, неполноценности личности. Этот есть агрессивное наступление на свободу Другого. Это месть Другому, Другим за собственную несостоятельность. В силу этого смысл и назначение образования – в *созидании Личности*.